

В коридоре я услышал, как Сяо Лань допрашивал Сяо Ду: почему тот, будучи под домашним арестом, предавался утехам с наложницей? Сяо Ду молчал в ответ. Было ясно — после церемонии верховой езды и стрельбы Сяо Лань стал уделять сыну куда больше внимания. Лучшим тому доказательством служило то, что, приказав высечь его двадцатью ударами, он теперь сам пришёл его навестить. Сяо Лань ограничился продлением ареста на два дня и не стал упоминать прошлую ночь, когда пытался силой отправить меня в его покои, но был остановлен Сяо Ду. Я вздохнул с облегчением: в конце концов, Сяо Лань ещё не настолько бесстыж, чтобы выставлять напоказ перед сыном свои уродливые и извращённые вожделения.

А я, конечно, не мог просто сидеть сложа руки.

Слухи, пущенные Шунь Дэ, разгорелись, словно степной пожар, и всюду полыхали при дворе. Все стали обсуждать молву о том, что нынешний император жестоко обращается с Верховным императором и держит его в заточении.

Я — законный наследник престола Великого Царства Мянью, объявленный таковым моим мудрым и доблестным отцом пред всем народом. Я — юный государь, что лично водил войска в поход против варварских племён и возвращался с победой. Пусть Сяо Лань с помощью семьи Мэн захватил власть над императорской гвардией, но запятнать себя такой гнусной славой он не мог. Он расширил границы, в которых мне дозволялось перемещаться, и даже позволил мне ненадолго появляться на придворных собраниях — дабы доказать, что не чинит мне вреда. Зато приставил ко мне ещё больше соглядатаев.

Я знал, что долго это не продлится. Сяо Лань не смирится с жизнью под неотступной тенью меня и моих сторонников. Он будет шаг за шагом поглощать весь двор. Если я не буду с ним искусно лавировать, в конце концов он начисто сотрёт меня из истории Великого Царства Мянью. Моё поражение — следствие моей самонадеянности и небрежности. Не следовало мне недооценивать Сяо Ланя, эту ядовитую змею, что таилась в темноте, и позволить ей вцепиться мне в глотку, скатившись до такого жалкого состояния.

После моего намёка Сяо Ду действительно стал тайно встречаться с Фэй Янем. На весеннем жертвоприношении Фэй Янь должен был даровать Сяо Ланю божественное откровение Хоу И, что предоставило бы тому больше шансов в борьбе за титул наследника. Я отлично знал, как Фэй Янь жаждет власти. Но ещё лучше мне был известен его постыдный секрет. Стоило раскрыть его связь с моей покойной матерью — и он низвергнется с высокого пьедестала, превратившись в презренного смертного. Мы держали друг друга в узде, а потому и помогали друг другу.

До весеннего жертвоприношения оставалось всего полмесяца. Сяо Юй и Сяо Ду то и дело приходили ко мне за уроками в катании на льду. Только один являлся при свете дня открыто, а второй пробирался тайком по ночам, и пока что они друг с другом не сталкивались.

Но в тот день, когда я занимался с Сяо Юем, я заметил вдалеке притаившегося волчонка Сяо Ду. Пришлось опасаться, как бы он не перенял ошибочные приёмы, и потому ночью я уделил ему особое внимание.

Как и ожидалось, Сяо Ду повторял движения, которым я учил Сяо Юя, да ещё и с невероятным рвением — словно с кем-то соревновался. Лезвия его коньков чуть не крошили лёд, на каждом вираже раздавался пронзительный скрежет. Глядя на его ловкое скольжение, я не выдержал и крикнул, чтобы он остановился. Сяо Ду отвлёкся, поскользнулся и тяжело рухнул на лёд, ударившись коленями. С трудом поднявшись, весь в крови, он подошёл ко мне. Его сапоги из крокодиловой кожи, доходившие до колен, были пропитаны кровью.

Я с бесстрастным видом опустил взгляд:

— Закатай штанину, дай посмотреть.

Сяо Ду послушно наклонился, снял коньки, закатал штанину, обнажив распухшие, окровавленные колени.

Хорошо, лишь ссадины, кости целы.

Я внутренне вздохнул с облегчением, подошёл и встал с ним лицом к лицу. Тут-то я и заметил, что Сяо Ду уже почти сравнялся со мной ростом. А может, даже чуть выше — ведь я из-за болезни всегда стою ссутулившись. Да и телом он был куда крепче.

После весеннего жертвоприношения Сяо Ду исполнится шестнадцать. В шестнадцать лет юноши собирают волосы в пучок и проходят обряд совершеннолетия.

— Дядя? — Он наклонился к моему уху, тёплое дыхание коснулось щеки.

Я нахмурился, слегка задрал подбородок, чтобы не уронить достоинство старшего:

— Кто разрешил тебе повторять за Сяо Юем?

— Я видел, как дядя учит его столь эффективным приёмам, и подумал...

— Что подумал? — Я насмешливо прищурился.

Сяо Ду, не глядя на меня, уставился в землю, тонкие губы сложились в упрямую черту:

— Дядя несправедлив.

Я не сдержал фырканья, рассмеялся и закашлялся:

— Кх-кх... Ты что, трёхлетний ребёнок, что сластей требует? — Затем я спрятал улыбку, и лицо моё ожесточилось. — Если будешь копировать Сяо Юя, то на ледовых состязаниях ногу сломаешь — и это ещё лучший исход.

Дыхание Сяо Ду прервалось — не знаю, испугался ли он моих слов. Его взгляд упал на моё лицо. Из-за того, что мы стояли наравне, в его глазах уже не было прежней робости и благоговения, скорее — что-то оценивающее. Что ж, пусть этот волчонок поскорее узнает, на что я способен. Борьба за трон — жестокое и грязное побоище.

Я приподнял его подбородок, заставляя смотреть мне в глаза:

— Запомнил, что только что сказал дядя?

Сяо Ду опустил веки, уставившись на мои шевелящиеся губы. Да, он должен был воспринимать мои слова как непреложный закон.

— Да, дядя.

Я почёсываю ему подбородок, как когда-то тому волчонку, которого растил, и улыбаюсь:

— Умник.

Сяо Ду вздрогнул всем телом, отшатнулся и едва не поскользнулся. Я тут же протянул руку, чтобы его поддержать, но сам поскользнулся, рухнул на него и придавил ко льду. Голова моя ударилась о его костистое плечо, в глазах потемнело, в голове зашумело. Я попытался подняться, но не смог, а затем почувствовал, как меня легко поднимают. Сяо Ду взвалил меня на плечо. Не знаю, чему больше удивляться — тому, что я стал так легок, или тому, какой он сильный. Он пронёс меня изрядное расстояние, прежде чем я пришёл в себя.

— Ду, отпусти меня!

— Нет.

— Что ты сказал? — Я не верил своим ушам.

— Сказал — не отпущу. — Сяо Ду сделал паузу и добавил:

— Дядя, лёд скользкий. А вы... лёгкий.

— Ты! Немедленно опусти меня! Кто-нибудь увидит — какой позор!

Сяо Ду проигнорировал мои слова и шаг за шагом понёс меня к заднему саду Павильона Юсы. Щекой я чувствовал его спину, время от времени задевая острые лопатки. Я слышал чёткий, ровный стук его сердца. В этом шестнадцатилетнем теле словно таился зверь, жаждущий вырваться из клетки. Невольно мне вспомнился тот тревожный сон. Взгляд упал на окровавленный след, тянувшийся за ним по льду, — словно зловещее предзнаменование.

У ворот заднего сада Павильона Юсы Сяо Ду наконец опустил меня на землю, передал подбежавшему Шунь Дэ и развернулся уходить.

После того как я лёг спать, нежданно-негаданно явился Сяо Лань.

Я притворился, что приболел и не могу принять, закрыл двери. Но он — император, никто не смел его остановить. Я лежал, повернувшись к стене, и слышал, как его мягкие туфли шаркают по полу, приближаясь, — словно ползла извивающаяся змея. Его дыхание было её ядовитым жалом, медленно обвивавшим мою шею и всё туже сжимавшимся.

— Сяо Лин, давно не виделись... Ты совсем исхудал. — Голос Сяо Ланя прозвучал у самого уха. Он поднял прядь моих волос у виска, наклонился и вдохнул их запах. — Я всё это время не навещал тебя, наверное, тебе было одиноко?

Я молчал, сомкнув веки, но в эту минуту в голове мелькнула мысль.

Хотел бы я, чтобы этот волчонок Сяо Ду был сейчас здесь. Я действительно надеялся, что неоперившийся юнец защитит меня. Если б я не боялся Сяо Ланя — но это была бы ложь. Я знал, как сильно он жаждет меня унижить. Сколько лет он вынашивал эту мечту. Это желание, рождённое ненавистью, не угаснет со временем — оно будет лишь расти.

Рука Сяо Ланя погрузилась в мои волосы, холодные пальцы коснулись кожи головы, и он тихо рассмеялся:

— Сяо Лин, помнишь, как в детстве ты оседлал меня, как лошадь, хлестал кнутом, заставлял ползать на четвереньках?

Я безмолвствовал, но перед глазами проплыло жалкое лицо Сяо Ланя тех лет. Я и представить

не мог, сколько гнева и унижения таилось за этим лицом, все эти десять лет принимая его за истинное обличье Сяо Ланя.

— С той самой минуты я поклялся в душе: однажды, облачившись в Драконье одеяние, я оседлаю тебя — любимца отца, того, кого с младенчества носили на руках, баловня судьбы — и заставлю покориться. Как думаешь, наш отец выпрыгнет тогда из гробницы и будет, как встарь, тыкать в меня пальцем, крича от ярости?

В его голосе сквозила неприкрытая, откровенная похоть.

Я сжал под подушкой серебряную шпильку, вонзил ногти в ладонь — сердце переполняла жажда убийства.

Я — Повелитель Поднебесной в своём поколении. Не позволю ему бесчинствовать! Посмеет применить силу — буду драться с ним насмерть.

<http://bllate.org/book/15952/1426294>